

С. ФРАНКЪ

ПО ТУ СТОРОНУ „ПРАВАГО“ И „ЛѢВАГО“

Что такое «правое» и «лѣвое»? И къ какому изъ этихъ двухъ направлений надо себя причислить, какому изъ нихъ надо сочувствовать?

Еще совсѣмъ недавно отвѣтъ на первый вопросъ былъ ясенъ для всякаго политически грамотнаго человѣка. Отвѣтъ на второй вопросъ для насъ, русскихъ, тоже не возбуждалъ сомнѣнія до 1917, и тѣмъ болѣе до 1905 года. «Правое» — это реакція, угнетеніе народа, Аракчеевщина, подавленіе свободы мысли и слова, произволъ власти; «лѣвое» — это освободительное движеніе, освященное именами декабристовъ, Бѣлинскаго, Герцена, требованіе законности и уничтоженія произвола, отмѣны цензуры и гоненій на иновѣрцевъ, забота о нуждѣ низшихъ классовъ, сочувствіе земству и суду присяжныхъ, мечта о конституціи. «Правое» есть жестокость, формализмъ, человѣконенавистничество, высокомеріе власти; «лѣвое» — человѣколюбіе, сочувствіе всѣмъ «униженнымъ и оскорбленнымъ», чувство достоинства человѣческой личности, своей и чужой. Колебаній быть не могло; «у всякаго порядочнаго человѣка сердце бьется на лѣвой сторонѣ», какъ сказалъ Гейне. Ибо коротко говоря — «правое» было зло, «лѣвое» — добро.

Все это исчезло, провалилось въ какую то бездну небытія, испарилось, какъ дымъ. Нынѣшнему молодому поколѣнію, даже «лѣваго» направления, э т а цѣльность чувствъ уже недоступна. Отчасти теперь въ русской эмиграціи (и, отчасти, и въ самой Россіи) «правое» и «лѣвое» просто перемѣнились мѣстами: «лѣвое» стало синонимомъ произвола, деспотизма, униженія человѣка, «правое» — символомъ стремленія къ достойному человѣческому существованію; словомъ, правое стало добромъ, лѣвое — зломъ. Но это — только отчасти. За этимъ поворотомъ скрывается другой, гораздо болѣе значительный, хотя менѣе явственный: нарастаетъ чувство непонятности, неадекватности, смутности самихъ опредѣленій «праваго» и «лѣваго».

Позволю себѣ личное признаніе, быть можетъ, неинтересное читателю, но необходимое мнѣ, какъ отправная точка для дальнѣйшихъ размышленій. Въ ранней молодости я былъ, какъ всѣ русскіе молодые интеллигенты того времени, «крайнимъ лѣвымъ» — марксистомъ, соци-

---

аль-демократомъ. Потомъ въ теченіе всей жизни постепенно «правѣлъ», не дойдя, впрочемъ, до настоящей «правизны», а тяготѣя скорѣе къ «центру» между «правымъ» и «лѣвымъ»; но всегда сознавалъ себя на какомъ то мѣстѣ линіи, идущей справа налѣво. Революція 1917 года была для меня, какъ для всѣхъ русскихъ людей, не утерявшихъ совѣсти и здраваго смысла, непосредственно толчкомъ къ рѣшительному «поправѣнію». Но по мѣрѣ того, какъ впечатлѣнія отлагались въ душѣ, начался и новый процессъ: сами понятія «праваго» и «лѣваго» начали становиться все болѣе случайными, шаткими, теряли свой былой однозначный смыслъ, становились призрачными и неактуальными. Въ нихъ ощущалось даже что-то оскорбительно-неумѣстное: человѣку тонущему въ водоворотѣ и пытающемуся спасти свою жизнь, не время думать, «правый» ли онъ, или «лѣвый»; человѣку, попавшему въ плѣнъ къ разбойникамъ или сумасшедшимъ, не до партійной политики; человѣкъ, потерявшій родину, потерялъ в с е — въ томъ числѣ и ту почву, на которой онъ могъ идти направо и налѣво. И когда меня — человѣка, хотя и не принимавшаго активнаго участія въ политикѣ, но всю жизнь интересовавшагося политическими вопросами и достаточно образованнаго въ нихъ — спрашиваютъ теперь, «правый» ли я, или «лѣвый», то я испытываю странное чувство неловкости, недоумѣнія и неспособности дать прямой отвѣтъ на вопросъ. Поразмысливши надъ этимъ чувствомъ, я пришелъ къ убѣжденію, что повинно въ немъ не неопредѣленность моего политическаго міровоззрѣнія, а неумѣстность самого вопроса. Теперь я предпочитаю, вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ, со своей стороны спрашивать вопрошающаго: а вы сами причисляете себя къ какой партіи — къ «гвельфамъ» или къ «гибеллинамъ»? Тогда я испытываю удовольствіе привести вопрошающаго въ такое же замѣшательство, какое онъ причинилъ мнѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, мы привыкли употреблять слова «правый» и «лѣвый», какъ понятія, которыя во-первыхъ, имѣютъ всѣмъ извѣстный точно опредѣленный смыслъ, и во-вторыхъ, въ своей совокупности исчерпываютъ всю полноту возможныхъ политическихъ направленій и потому имѣютъ всеобъемлющее значеніе какихъ-то вѣчныхъ «категорій» политической мысли. Мы забываемъ, что эти понятія имѣютъ лишь исторически-обусловленный смыслъ, опредѣленный своеобразіемъ эпохи, въ которой они возникли и дѣйствовали (или дѣйствуютъ), и что имъ рано или поздно суждено, какъ всѣмъ историческимъ теченіямъ, исчезнуть, поте-

---

рять актуальный смысл, смѣниться новыми группировками. И мы, отдаваясь рутинѣ мысли, не замѣчаемъ, что въ современной политической дѣйствительности есть ючень существенныя тенденціи, которыя уже не укладываются въ эти старыя, привычныя рубрики.

Что разумѣется, въ концѣ концовъ, подъ этими понятіями «праваго» и «лѣваго»? Конечно, можно брать ихъ въ совершенно формальномъ и общемъ смыслѣ, въ которомъ они дѣйствительно становятся нѣкоторыми вѣчными, имманентными категоріями общественно-исторической жизни. А именно, можно разумѣть подъ ними «консерватизмъ» и «реформаторство» въ обще-соціологическомъ смыслѣ — съ одной стороны, склонность охранять, беречь уже существующее, старое, привычное, и, съ другой стороны, противоположное стремленіе къ новизнѣ, къ общественнымъ преобразованіямъ, къ преодолѣнію стараго новымъ. Но, прежде всего, при этомъ пониманіи логично было бы не двучленное, а трехчленное дѣленіе. Наряду съ «старовѣрами» и «реформаторами» должны найти себѣ мѣсто и тѣ, кто сочетаютъ обѣ тенденціи, кто стремятся къ обновленію именно черезъ его реформу, черезъ приспособленіе его къ новымъ условіямъ и потребностямъ жизни. Такое не «правое» и не «лѣвое», а какъ бы «центральное» направленіе совсѣмъ не есть, какъ часто у насъ склонны думать, какое-то эклектическое сочетаніе обоихъ первыхъ направленій; оно качественно отличается отъ нихъ тѣмъ, что, въ противоположность имъ, его паѳосъ есть идея полноты, примиренія. Практически крайне важно, что различіе въ этомъ смыслѣ между «правымъ» и «лѣвымъ» менѣе существенно, чѣмъ различіе между умѣренностью и радикализмомъ (все равно — «правымъ» или «лѣвымъ»). Сохраненіе, наперекоръ жизни, во что бы то ни стало, стараго, и стремленіе во что бы то ни стало передѣлать все заново сходны въ томъ, что юба не считаются съ органической непрерывностью развитія, присущей всякой жизни, и потому вынуждены и хотять дѣйствовать принужденіемъ, насильственно — все равно, насильственной ли ломкой, или насильственнымъ «замораживаніемъ». И всяческому такому, «правому» или «лѣвому» радикализму противостоитъ политическое умонастроеніе, которое знаетъ, что насиліе и принужденіе можетъ быть въ политикѣ только подсобнымъ средствомъ, но не можетъ замѣнить собою естественнаго, юрганическаго, почвеннаго бытія.

Но главное въ нашей связи — то, что понятія «праваго» и «лѣва-

---

го», употребляемая въ этомъ чисто формально - общемъ, универсально - соціологическомъ смыслѣ, очевидно, не имѣютъ ничего общаго съ политическимъ содержаниемъ, которое обычно вкладывается въ эти понятія, и лишь въ силу случайной исторической обстановки могли психологически ассоціироваться съ нимъ. Мы привыкли, въ силу еще недавно господствовавшихъ политическихъ порядковъ, что «правые» находятся у власти и охраняютъ существующій порядокъ, а «лѣвые» стремятся къ перевороту, къ установленію новаго, еще не существующаго порядка. Но когда этотъ переворотъ уже совершился, когда господство принадлежитъ «лѣвымъ», то роли, очевидно, мѣняются: «лѣвые» становятся охранителями существующаго — а, при длительности установившагося порядка — даже приверженцами «старого» и «традиціоннаго», тогда какъ «правые» при этихъ условіяхъ вынуждены взять на себя роль реформаторовъ и даже революціонеровъ. Если мы будемъ спутывать общесоціологическія понятія «охранителей» и «реформаторовъ» (или, еще общѣе: «довольныхъ» и «недовольныхъ») съ политическими понятіями «правыхъ» и «лѣвыхъ», то мы должны будемъ въ республиканско - демократическомъ строѣ называть республиканцевъ и демократовъ «правыми», а монархистовъ — «лѣвыми», или всѣхъ противниковъ совѣтскаго строя называть «лѣвыми», а самихъ коммунистовъ — «правыми», т. е. дойти до совершенной нелѣпицы и полной путаницы понятій.

Итакъ, каково же, собственно, конкретно-политическое содержаніе понятій «праваго» и «лѣваго»? Но прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, еще одно замѣчаніе обще-логическаго порядка. Если мы отвлечемся на мгновеніе отъ этихъ понятій или этикетокъ и попытаемся непредвзятымъ взоромъ обозрѣть все возможное многообразіе политическихъ міровоззрѣній, то чисто логически заранѣе очевидно, что оно не можетъ быть исчерпано дѣленіемъ его на два противоположныхъ типа. Политическое міровоззрѣніе есть комплексъ или система, слагающаяся изъ совокупности отвѣтовъ на рядъ существенныхъ вопросовъ общественной жизни. Каждый вопросъ допускаетъ разныя рѣшенія; ясно, какъ неисчерпаемо велико возможное многообразіе политическихъ міровоззрѣній. Конечно, всякое многообразіе допускаетъ классификацію по основнымъ высшимъ родамъ, въ томъ числѣ иногда и дихотомическое дѣленіе. Но для этого дѣленіе должно быть произведено по е д и н о м у и притомъ существенному признаку, т. е. такому, видоизмѣненіе котораго опредѣ-

---

лить различіе хотя бы основныхъ и важнѣйшихъ изъ остальныхъ признаковъ. Удовлетворяетъ ли дѣленіе на «правое» и «лѣвое» указанному требованію единства и существенности признака дѣленія? Безспорно, что долгое время оно п р а к т и ч е с к и ему удовлетворяло — иначе оно не могло бы достигнуть такого широкаго распространенія и всеобщаго признанія.

Однако, для судьбы этихъ понятій въ наше время существенно, что интуитивно-психологическое единство обоихъ міровоззрѣній не опредѣлялось л о г и ч е с к и - н е о б х о д и м о й связью идей въ нихъ. Дѣло въ томъ, что оба этихъ соотносительныхъ понятій лишены внутренняго единства и не могутъ быть опредѣлены на основѣ какой либо о д н ю й, центральной для каждаго изъ нихъ и объединяющей его идеи. Наоборотъ, вдумываясь въ нихъ, мы заключаемъ, что въ нихъ по историческимъ, съ точки зрѣнія существа дѣла случайнымъ условіямъ скрестились т р и ряда духовныхъ и политическихъ мотивовъ, по существу совершенно разнородныхъ. П р е ж д е в с е г о, чисто философское различіе между т р а д и ц і о н а л и з м о мъ и р а ц і о н а л и з м о мъ, между стремленіемъ жить по историческимъ и религіознымъ преданіямъ, по логически не провѣряемой традиціонной вѣрѣ (по вѣрѣ и обычаямъ отцовъ), и стремленіемъ построить общественный порядокъ чисто р а ц і о н а л ь н о, умышленно-планомѣрно; в о - в т о р ы хъ, чисто политическое различіе между требованіемъ государственной опеки надъ общественной жизнью и утвержденіемъ начала личной свободы и общественнаго самоопредѣленія (въ этомъ смыслѣ «правый» значитъ государственникъ, этатистъ, сторонникъ сильной власти, въ противоположность «лѣвому» — либералу); и, наконецъ, чисто с о ц і а л ь н ы й признакъ — позиція, занимаемая въ борьбѣ между высшими, привилегированными, богатыми классами, стремящимися сохранить или утвердить свое господство въ государствѣ и обществѣ, и низшими классами, стремящимися освободиться отъ подчиненности и занять равное или даже господствующее положеніе въ обществѣ и государствѣ. Въ этомъ смыслѣ «правый» значитъ сторонникъ аристократіи или буржуазіи, «лѣвый» — демократъ или социалистъ.

Н ѣ к о т о р а я связь по существу между этими тремя парами тенденцій, соединяющая правые члены ихъ въ понятіе «праваго», а по-

---

слѣдніе — въ понятіе «лѣваго», безспорно есть. Такъ, рационализмъ, выступая противъ традиціонной вѣры, требуетъ свободы «критической» мысли, и въ этомъ смыслѣ первый признакъ связанъ со вторымъ, и точно такъ же свобода, въ качествѣ общественнаго самоопредѣленія, требуетъ всеобщности и въ этомъ смыслѣ равенства въ свободѣ (формальнаго равноправія всѣхъ людей въ томъ числѣ и членовъ низшихъ классовъ), и этимъ соединяется съ третьимъ признакомъ. Этими двумя связями опредѣлено единство либерально-демократическаго или радикально-демократическаго міросозерцанія — а, тѣмъ самымъ, отрицательно, и единство его антипода — консервативно-аристократическаго умонастроенія. Однако, связи эти очень относительныя и столь же легко — чисто логически и потому и практически — могутъ уступать мѣсто отталкиваніямъ и взаимной борьбѣ. Такъ, чистый рационализмъ, требуя свободы отвлеченной, «критической» мысли и основаннаго на ней общественнаго дѣйствія, — съ другой стороны, въ своей враждебности къ вѣрѣ и традиціи, можетъ и даже долженъ стремиться къ стѣсненію свободы религіозной вѣры и къ подавленію свободнаго пользованія традиціоннымъ порядкомъ, обычаями, нравами (якобинство, «комбизмъ», коммунистическое преслѣдованіе вѣры и традицій). Болѣе того — и это здѣсь самое существенное: рационализмъ, требуя свободы для себя, въ своей идеѣ устройства жизни на основаніи рациональнаго порядка, имѣетъ сильнѣйшую имманентную тенденцію къ началу государственнаго регулированія, къ подавленію той ирраціональности и сверхраціональности, которая образуетъ самое существо свободы личности (просвѣщенный абсолютизмъ, якобинство, коммунизмъ въ его теоріи и практикѣ; ср. программу Шигалева въ «Бѣсахъ»: «начавъ съ провозглашенія свободы, утвердимъ всеобщее рабство»). Еще болѣе очевидна слабость связи между вторымъ и третьимъ признакомъ. Лишь въ процессѣ борьбы низшіе классы требуютъ для себя свободы, и идея свободы легко связывается съ идеей равенства. По существу притязанія низшихъ классовъ на улучшеніе ихъ правового и, въ особенности, матеріальнаго положенія не имѣютъ, очевидно, ничего общаго съ требованіемъ свободы. По существу начала свободы и равенства, какъ извѣстно, скорѣе антагонистичны, что не разъ и обнаруживалось въ историческомъ опытѣ; начало свободы личности предполагаетъ, правда, всеобщность самодѣятельности и въ этомъ смыслѣ формальное равноправіе всѣхъ, но, съ другой стороны, стоитъ въ рѣзкомъ антагонизмѣ къ началу реального равен-

---

ства: въ силу фактическаго неравенства способностей, условій жизни, удачи между людьми, свобода должна вести къ неравенству социальныхъ положеній, и, наоборотъ, реальное равенство осуществимо только черезъ принужденіе, черезъ государственное регулированіе и ограниченіе свободной самодѣятельности личностей, свободного выбора жизненныхъ возможностей. Къ этому присоединяется и то, что народныя массы, представляя собой низшій духовный уровень человѣка, вообще болѣе склонны къ деспотизму, легче мирятся съ нимъ и охотнѣе имъ пользуются, чѣмъ высшіе слои общества. Наконецъ, уже совершенно очевидно, что первая пара признаковъ (традиціонализмъ и рационализмъ) только случайно исторически въ нашу эпоху сплелась съ третьей парой (государство высшихъ классовъ и возстаніе низшихъ) и не имѣетъ съ послѣдней никакой связи по существу. Рационализмъ и просвѣтителство, стремленіе передѣлать жизнь по отвлеченно-намѣченнымъ планамъ, по требованіямъ «разума», естественно составляетъ особенность слоевъ образованныхъ, привыкшихъ къ работѣ мысли, тогда какъ народныя массы, по общему правилу, болѣе склонны къ традиціонализму, къ вѣрѣ и жизни по примѣру отцовъ. До совѣмъ недавняго времени консервативная власть всегда опиралась на народныя массы противъ образованныхъ классовъ, и, напротивъ, власть, вступая на путь радикальнаго и планомѣрнаго переустройства общества, наталкивалась на оппозицію народныхъ массъ (реформы Петра Великаго и стрѣлецкіе бунты). Въ настоящее время, начиная съ середины 19-го вѣка и вплоть до современности, это соотношеніе, правда, радикально измѣнилось: рационализмъ, потерявъ въ значительной мѣрѣ свой кредитъ у образованныхъ, сталъ достояніемъ народныхъ массъ. И все же и теперь примитивность инстинктовъ низшихъ классовъ, несмотря на весь ихъ рационализмъ, часто приводитъ къ утвержденію или даже воскрешенію старыхъ формъ быта, по крайней мѣрѣ поскольку для нихъ существенна грубость и упрощенность нравовъ. Этимъ въ значительной мѣрѣ опредѣлены реакціонные результаты господства коммунистически-настроенныхъ массъ въ Совѣтской Россіи.

Такъ, эти столь разнородныя, по существу между собой не связанныя или лишь весьма слабо связанныя три пары соотносительныхъ тенденцій въ силу своеобразныхъ историческихъ условій съ конца 18-го вѣка и въ теченіе 19-го вѣка почленно связались между собой и совмѣстно образовали ту характерную для этой эпохи противо-

---

положность, которую мы называемъ борьбой между «правыми» и «лѣвыми». Однако, въ настоящее время историческая ситуація уже настолько измѣнилась, что цѣльность этихъ понятій въ значительной мѣрѣ расшатана, и сами они поэтому по существу устарѣли, непригодны для ориентировки въ содержаніи наиболѣе острыхъ и существенныхъ проблемъ современности и продолжаютъ господствовать лишь по исторической инерціи мысли, проще говоря — по недомыслию.

Начать съ того, что въ большинствѣ европейскихъ странъ цѣль «лѣвыхъ» стремленій уже осуществлена. «Лѣвыя партіи» — демократы и социалисты — либо являются, по общему правилу, господствующими, какъ во Франціи, Германіи и Англии, либо уже успѣли сдать свое господство политическимъ новообразованиямъ, которыя никакъ нельзя подвести подъ традиціонное понятіе «правыхъ» (фашизмъ, коммунизмъ). Можно было бы подумать, что господство «лѣвыхъ» приводитъ только къ перемѣнѣ мѣстъ между этими двумя направленіями, не мѣняя ихъ содержанія и смысла — т.-е. что «правыя» партіи изъ господствующихъ превращаются въ оппозиціонныя (что мы фактически и видимъ въ большинствѣ европейскихъ государствъ). Однако, эта простая видимость политической эмпирии скрываетъ подъ собой гораздо болѣе существенное измѣненіе духовной реальности, незамѣчаемое обычнымъ недомыслиемъ. Извѣстно, что «лѣвые», достигнувъ власти, обычно по крайней мѣрѣ отчасти перестаютъ быть «лѣвыми» — «правѣютъ». Этотъ общеизвѣстный фактъ имѣетъ не только житейски-практическое, но и принципиальное значеніе; политическій фронтъ мѣняетъ свое направленіе: «лѣвые», стоя у власти, получаютъ на опытѣ государственное воспитаніе, научаются понимать и цѣнить то, что раньше яростно отвергали; «правые», оттѣсненные въ оппозицію, напротивъ, часто по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени приобщаются къ прежней психологіи лѣвыхъ и пользуются ихъ лозунгами. Такъ, одинъ изъ признаковъ, образующихъ понятія «праваго» и «лѣваго», мѣняетъ свое мѣсто: принципъ свободы обычно мало прельщаетъ властвующихъ и есть естественное достояніе оппозиціи. Поэтому въ новой обстановкѣ требованіе свободы въ значительной мѣрѣ характеризуетъ политическія устремленія, въ иныхъ отношеніяхъ именуемая «правыми». Господствующій рационализмъ склоненъ отнынѣ вступить въ сочетаніе съ принципомъ государственной опеки, традиціонализмъ, напротивъ, требуетъ свободы. И, если опытъ «лѣваго» деспотизма или увлеченія государ-

---

ственнымъ централизмомъ научаетъ правыхъ цѣнить свободу, такъ что консерваторы становятся либералами, не переставая быть консерваторами, то, съ другой стороны, опытъ анархіи и смуть, опредѣленныхъ нежеланіемъ «крайнихъ лѣвыхъ» подчиняться даже «лѣвой» государственной власти, научаетъ «лѣвыхъ», что единственная прочная основа свободы есть государственный порядокъ, поддерживаемый сильной властью; на этомъ пути либералы и демократы, не переставая быть таковыми, становятся консерваторами; оба обстоятельства уже совершенно спутываютъ обычныя понятія.

Если эта перемѣна касается перераспределенія первой и второй пары изложенныхъ выше признаковъ «праваго» и «лѣваго» (а отчасти и измѣненія самаго смысла первой пары признаковъ) — то столь же существенное измѣненіе совершается и съ мѣстомъ т р е т ь я г о изъ вышеупомянутыхъ признаковъ. Съ исчезновеніемъ прежнихъ высшихъ классовъ или съ потерей ими политическаго и общественнаго вліянія, «правые» не только тактически-демагогически должны искать себѣ опоры въ низшихъ классахъ, но часто и принципиально становятся выразителями вождельній и интересовъ той части низшихъ классовъ, которая еще живетъ въ идеяхъ традиціонализма. «Правые» (или, по крайней мѣрѣ, извѣстная ихъ группа) становятся отнынѣ вождями части народныхъ массъ, мечтаютъ о народномъ возстаніи и въ этомъ смыслѣ занимаютъ позицію «крайнихъ лѣвыхъ». Несмотря на свою острую ненависть къ «лѣвымъ» въ другихъ отношеніяхъ, они иногда солидаризируются съ тѣми «крайними лѣвыми», которые сами находятся въ оппозиціи и неудовлетворены господствующей въ государствѣ лѣвой властью, и эту связь выражаютъ даже въ своемъ имени («національ-соціалисты» въ Германіи). Отсюда возникаетъ многозначительный, весьма знаменательный для будущаго, расколъ въ прежде единой «правой» партіи — расколъ настолько существенный, что передъ его лицомъ старое общее обозначеніе обѣихъ группъ, какъ «правыхъ», почти теряетъ реальный политическій смыслъ. А именно, прежніе «правые» — раскалываются на консерваторовъ-либераловъ, отстаивающихъ интересы свободы и культуры, права образованнаго слоя на руководящую роль въ государствѣ и на реакціонеровъ, опирающихся на вождельнія черни и во всякомъ развитіи свободы и культуры усматривающихъ зло либеральной демократіи. Если обѣ эти группы борются съ господствующей демократіей, и въ этомъ смыслѣ являются союзниками,

---

то нельзя, за этимъ тактическимъ и полемическимъ единствомъ, упускать изъ виду ихъ радикальную противоположность: они нападаютъ на демократію, находящуюся въ промежуткѣ между ними, съ двухъ противоположныхъ сторонъ — хотѣлось бы сказать: слѣва и справа, если бы эти термины не имѣли уже своего особаго, не подходящаго сюда, исторически опредѣленнаго смысла.

Весьма достопримѣчательно, что русская политическая терминологія за послѣднее десятилѣтіе (со времени возникновенія «бѣлаго» движенія), уже фиксировала это различіе и эту противоположность въ терминахъ «бѣлаго движенія» и «черносотенства». Что вѣрнѣе, мудрость ли языка, которая инстинктивно фиксировала максимальную противоположность двухъ направленій въ предѣлахъ того, что зовется обычно «правымъ» (что можетъ быть большей противоположностью, чѣмъ различіе между «бѣлымъ» и «чернымъ?»), или наши традиціонныя понятія, не усматривающія здѣсь никакого существеннаго различія? Конечно, личный составъ обоихъ направленій часто тѣсно переплетается (именно въ виду невыявленности и неосознанности ихъ идейной противоположности); вполне естественно также, что оба направленія въ борьбѣ съ общимъ врагомъ — большевизмомъ — объединяются между собой (союзъ въ борьбѣ противъ общаго врага такъ же мало означаетъ во внутренней политикѣ сущностную солидарность союзниковъ, какъ въ политикѣ внѣшней). Мы думаемъ, что языкъ тутъ вполне правъ, и что послѣ ликвидаціи большевизма именно борьба между этими двумя направленіями (условимся ихъ называть «бѣлымъ» и «чернымъ», пользуясь счастливымъ обстоятельствомъ, что языкъ даетъ здѣсь мѣткія новыя имена взамѣнъ истрепанныхъ «праваго» и «лѣваго») составитъ центральную тему политической жизни будущаго въ Россіи. Здѣсь, на общей почвѣ традиціонализма (понимаемаго, впрочемъ, тоже весьма различно), должно произойти рѣшающее столкновеніе между поборниками свободы и культуры (и, слѣдовательно, основаннаго на началѣ культуры, іерархическаго строенія общества) съ приверженцами принципа принужденія («палки» и «кну-та») и демагогической нивеллировки.

Тотъ же, въ сущности, расколъ совершается и въ «лѣвыхъ» партияхъ. Мы ограничиваемся здѣсь русской политической мыслью (въ западно-европейской все это еще гораздо менѣе выявлено). Не замѣчательенъ ли фактъ, что, напримѣръ, такъ называемые «лѣвые эсеры» со-

---

трудничали съ большевиками и доселѣ имъ идейно близки, тогда какъ «правые эсеры», прежде въ этомъ отношеніи во многомъ грѣшны, теперь являются ихъ яростными и непримиримыми врагами? То же самое мы имѣемъ и въ лагерѣ русскихъ социаль-демократовъ: не лежитъ ли цѣлая бездна между міровоззрѣніемъ г. Дана и г. Потресова? Не имѣемъ ли мы право обобщить эти явленія, сказавши, что въ «лѣвомъ» лагерѣ тоже намѣчается (здѣсь на общей почвѣ привычнаго раціонализма, которая однако для одной группы тоже начинаетъ сильно шататься) та же самая (въ принятомъ нами смыслѣ) коренная противоположность между «бѣлымъ» и «чернымъ»?

Замѣчательно также, что «черносотенство» (въ обычномъ смыслѣ), будучи доселѣ въ какомъ-то отношеніи политическимъ антиподомъ «краснаго», практически весьма часто обнаруживаетъ свое духовное сродство съ послѣднимъ и близость къ нему (какъ и обратно). Административный составъ большевицкой власти, преимущественно арміи и полиціи, былъ созданъ при существенномъ участіи «черносотенства». Лица «чернаго» образа мыслей, при всей непривычности для нихъ нѣкоторыхъ «красныхъ» идей, чувствуютъ часто нѣкоторое эстетическое и духовное сродство съ «краснымъ» стилемъ и относительно легко съ нимъ сживаются и его усваиваютъ (связующимъ звеномъ здѣсь является господство грубаго насилія въ управленіи и моментъ демагогіи). Прежнему типичному частному приставу и исправнику или некультурному армейскому офицеру демократическаго происхожденія неизмѣримо легче приспособиться къ совѣтскимъ порядкамъ и найти примѣненіе своимъ старымъ навыкамъ, чѣмъ профессору-либералу и даже чѣмъ культурному революціонеру. Въ подлинной черни различіе между «чернымъ» и «краснымъ» вообще становится почти неуловимымъ. Толпа, участвовавшая въ бѣлыхъ времена въ еврейскихъ погромахъ и еще въ 1915 г. устроившая въ Москвѣ по мнимонаціональнымъ мотивамъ нѣмецкій погромъ, есть та самая толпа, которая совершила большевицкій переворотъ, громила помѣщиковъ и «буржуевъ». Съ другой стороны, антисемитизмъ, эта традиционная черта «праваго» умонастроения, стала, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, общимъ достояніемъ коммунистической среды, и въ особенности ея «лѣваго» крыла. Типично «черный» націонализмъ есть вообще характерная черта русскаго коммунизма, выражающаяся въ его ненависти къ «буржуазной» Европѣ.

Чтобы понять и оцѣнить всѣ эти явленія, надо, однако, учесть одно общее обстоятельство, которое въ еще неизмѣримо большей мѣрѣ, чѣмъ политическое торжество демократіи, существенно содѣйствуетъ разложенію традиціонныхъ понятій «праваго» и «лѣваго»: это есть торжество и практическое осуществленіе с о ц і а л и з м а .

Дѣло въ томъ, что с о ц і а л и з м ъ съ самаго своего зарожденія и по своему существу выходитъ за предѣлы противоположности между «правымъ» и «лѣвымъ» и образуетъ какое-то третье, самостоятельное, неучтенное этими наименованіями, направленіе. Соціализмъ возникъ, какъ извѣстно, изъ сочетанія двухъ противоположныхъ духовныхъ тенденцій: просвѣтительства и рационализма 18-го вѣка (соціального радикализма Руссо и Мабли и матеріализма Гельвеція и Гольбаха) съ романтической реакціей начала 19-го вѣка противъ идей 18-го вѣка (первые соціалисты — сенъсимонисты — ученики Сенъ-Симона, который въ своемъ ученіи объ «органической» эпохѣ въ противоположность «критической», является послѣдователемъ Жозефа де Местра). Уже съ самаго начала онъ, такимъ образомъ, не былъ ни «лѣвымъ», ни «правымъ», будучи одновременно какъ бы «лѣво-правымъ». Въ дальнѣйшемъ развитіи соціализма второй его генетическій корень сказался въ характерномъ для соціализма отрицаніи начала с в о б о д ы . Такимъ образомъ, соціализмъ, сочетая въ себѣ первый и третій изъ вышеуказанныхъ признаковъ «лѣваго» направленія (рационализмъ и борьбу низшихъ классовъ противъ высшихъ) и въ этомъ отношеніи, продолжая традиціи французской революціи, рѣзко враждебный «правому» направленію въ его традиціонномъ смыслѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ принципиально отвергаетъ самый, быть можетъ, существенный признакъ «лѣваго» умонстроенія — начало личной свободы и правъ личности, которое юнъ замѣняетъ началомъ безграничнаго государственнаго принужденія. То обстоятельство, что соціализмъ вообще не лежитъ на линіи между «правымъ» и «лѣвымъ», а въ какомъ то совѣмъ иномъ измѣреніи, могло юставаться незамѣченнымъ лишь въ эпоху, когда соціализмъ лишь боролся за свое осуществленіе, т.-е. находился въ оппозиціи къ существующему порядку (опредѣленному «правыми» началами) и потому въ естественномъ союзѣ съ «лѣвымъ» направленіемъ. «Революціонность» соціализма заслоняла тогда его собственное содержаніе, какъ с о ц і а -

---

л и з м а . Соціалізмъ въ процесѣ борьбы требовалъ для себя свободы и равноправія, вступалъ въ союзъ съ либерализмомъ и демократіей и потому естественно причислялся и причислялъ самъ себя къ «лѣвому» направленію. Съ момента захвата власти соціалистами, передъ ними — въ силу коренной противоположности между либеральной демократіей и соціализмомъ — оставались только два пути: либо отречься (фактически и на практикѣ, если не въ идеяхъ) отъ соціализма въ пользу либерально-демократической программы, либо отказаться отъ всякой связи съ либерально-демократическимъ, «лѣвымъ» направленіемъ въ интересахъ подлиннаго осуществленія соціализма. Первый путь избрали европейскіе соціалисты, ставшіе по-истинѣ «соціаль-предателями» и обречшіе себя на лицемѣріе совершеннаго несоотвѣтствія между ихъ теоретической программой и практической государственной дѣятельностью; по второму пути пошелъ, какъ извѣстно, русскій коммунизмъ. Оба пути — второй, впрочемъ, гораздо нагляднѣе и убѣдительнѣе, чѣмъ первый — на опытѣ показали противоположность между соціализмомъ и традиціоннымъ «лѣвымъ» міросозерцаніемъ.

Надо сказать правду: сами коммунисты поняли и практически учли этотъ выводъ гораздо болѣе основательно и послѣдовательно, чѣмъ многіе «лѣвые» (русскіе, а тѣмъ болѣе — западно-европейскіе): коммунисты не стѣсняются вести ожесточенную, ничѣмъ не ограничиваемую борьбу съ «лѣвыми» и открыто попираютъ всѣ начала «лѣваго» міровоззрѣнія (равноправіе, свободу и правовую защищенность личности, свободу вѣры и слова, демократическій принципъ всеобщности участіе въ государственной общественной жизни, выборное начало и пр.), тогда какъ многіе лѣвые продолжаютъ еще по старой привычкѣ, т.-е. по недомыслию, вѣрять въ свою духовную близость къ соціализму.

Но какъ бы велико ни было недомысліе и сила исторической инерціи, — отнынѣ, съ торжествомъ соціализма въ Россіи, имѣющимъ по крайней мѣрѣ симптоматическое значеніе для всего міра, силою вещей, роковымъ и неотмѣнимымъ образомъ фронтъ политической борьбы измѣнилъ направленіе. Отнынѣ рѣшающей и основополагающей является совсѣмъ иная группировка политическихъ тенденцій, чѣмъ та, которая выразилась въ традиціонной вѣковой противоположности между «правымъ» и «лѣвымъ». Это инстинктивно ощущается — хо-

---

тя, за отсутствіемъ свободы слова, и не можетъ быть отчетливо юпознано — въ самой Россіи. Напряженнѣйшій антагонизмъ между властью и населеніемъ, изнемогающимъ отъ деспотизма этой власти, не имѣетъ ничего общаго съ традиціонной противоположностью между «правымъ» и «лѣвымъ»; поскольку «правые» и «лѣвые» еще вообще существуютъ (за предѣлами самой коммунистической партіи, въ которой эти обозначенія имѣютъ тоже совершенно своеобразный смыслъ), ихъ былой антагонизмъ совершенно поблекъ, отступилъ на задній планъ передъ противоположностью между всѣмъ населеніемъ и совѣтскимъ деспотизмомъ; общее мученичество и подлинно историческое значеніе имѣетъ та «трубка мира», которую бывший министръ Макаровъ выкурилъ передъ своей казнью со своимъ сожителемъ по камерѣ Чеки, социалистомъ-революціонеромъ). Конечно, это не значитъ, что всѣ старыя проблемы, раздѣлявшія общество на правыхъ и лѣвыхъ, совсѣмъ исчезли. Но отчасти они перестали быть существенными, сняты съ очереди дня, отчасти же проблемы, какъ таковыя, сохранили значеніе, но типическія традиціонныя формы о т в ѣ т о в ѣ на нихъ, полагавшія борьбу партій, устарѣли и измѣнили свой смыслъ.

Въ чемъ же заключается та основная новая группировка, та борьба противоположныхъ началъ, которая призвана смѣнить собой старую и устарѣвшую противоположность между «правымъ» и «лѣвымъ»? Пока насильнической социализмъ въ Россіи не свергнуть, онъ есть общій врагъ для всѣхъ, кто отъ него страдаетъ, и, обратно, для него все остальное, внѣ его стоящее, есть юбщій врагъ. Если, слѣдуя за нашимъ намѣченнымъ выше анализомъ, разложить на составные элементы эти двѣ враждебныя силы, то мы получимъ слѣдующую противоположность: на одной сторонѣ — рационализмъ, безграничный государственный деспотизмъ, господство низшихъ классовъ надъ классами культурными; на другой — права традиціонализма и религіозной вѣры, принципъ права и свободы личности, защита интересовъ культуры и образованія (и, слѣдовательно, іерархической структуры общества по признаку образованія и культуры). Коротко говоря — борьба между нигилистически-демагогическимъ деспотизмомъ и идеей опирающагося на духовныя цѣнности правового порядка; еще короче — борьба между «краснымъ» и «бѣлымъ» (въ условленномъ выше смыслѣ) — причемъ предполагается, что другія группы, причислявшія себя къ «лѣвымъ», поскольку они дѣйствительно враждеб-

---

ны насильническому социализму, уже не могут въ этомъ смыслѣ именоваться «красными».

Но «красное», въ указанномъ выше смыслѣ, какъ мы видѣли, весьма сродни «черному» и весьма легко можетъ въ него оборотиться. Это значитъ, точнѣе говоря: «раціонализмъ» можетъ легко замѣниться вульгарно-грубымъ (и потому имѣющимъ сильно-раціоналистическій оттънокъ) «традиціонализмомъ», при сохраненіи двухъ остальныхъ, связанныхъ съ нимъ, моментовъ: демагогіи и деспотизма (царство черни съ помощью палки во имя извращеннаго націонализма и извращенной религіи). Тогда «бѣлый» фронтъ противъ «краснаго» станетъ бѣлымъ фронтомъ противъ чернаго. На одной сторонѣ будетъ истинный, духовно обоснованный традиціонализмъ, неразрывно связанный со свободой и защитой интересовъ культуры, на другой — упрощенно-грубый и извращенный традиціонализмъ, сочетающійся съ демагогіей и культомъ насилія.

Принятая нами терминологія — замѣна противоположности между «правымъ» и «лѣвымъ» — противоположностью между «черно-краснымъ» и «бѣлымъ», конечно, встрѣтитъ возраженія, психологически вполне естественныя и отчасти правомѣрныя: вѣдь и эти термины отягощены историческимъ прошлымъ и въ силу власти прочныхъ ассоціацій надъ умами лишь съ трудомъ поддаются употребленію въ новомъ смыслѣ. Но суть дѣла не въ терминологіи, конечно, а въ самомъ существѣ новаго, намѣчаемаго самимъ ходомъ вещей, соотношенія тенденцій. Фактически для этой новой группировки еще не найдены, и тѣмъ болѣе еще не освящены общимъ употребленіемъ, соотвѣтствующія названія; а извѣстно, что реальность, не запечатлѣнная въ словѣ, въ имени, воспринимается лишь съ трудомъ и только немногими, болѣе проникательными и независимыми умами. Поэтому еще долго, вѣроятно, будетъ идти на словахъ и въ смутныхъ мысляхъ борьба между отжившими, превратившимися въ призрачныя тѣни, понятіями «праваго» и «лѣваго»; еще долго будутъ существовать «правые» и «лѣвые» люди безъ соотвѣтствующаго имъ реальнаго «праваго и «лѣваго» дѣла; еще долго эти призраки будутъ вносить бесплодную путаницу и смуту въ общественную жизнь и заслонять собой суровыя требованія реальности. Въ концѣ концовъ, реальность, какъ всегда, одолѣетъ отжившія идеи, и «правое» и «лѣвое» изъ жизни уйдетъ въ учебники исторіи, гдѣ оно упокоится, найдя себѣ мѣсто рядомъ съ «гвельфами» и «гибеллинами».